Утренний чтец

Автор:
Жан-Поль Дидьелоран

Утренний чтец

Жан-Поль Дидьелоран

Каждое утро в поезде 6.27 молодой человек читает вслух отрывки из книг, пущенных “под нож” на заводе по переработке макулатуры. Некоторые пассажиры даже специально садятся с ним в один вагон – на двадцать минут поездки чтение уносит их далеко от унылых будней. Однажды он находит под сиденьем флешку с дневником неизвестной девушки, и его жизнь обретает новую цель – отыскать эту современную Золушку.

Жан-Поль Дидьелоран известен как блестящий новеллист, увенчанный престижными премиями, в том числе дважды – Международной премией Хемингуэя. “Утренний чтец” – его первый роман, сразу оказавшийся в числе лидеров продаж. Критики писали о нем как о литературном феномене: шестидесятитысячный тираж разошелся меньше чем за четыре месяца, а права на перевод купили двадцать пять стран.

Жан-Поль Дидьелоран

Утренний чтец

Сабине, без которой не было бы этой книги,

моему отцу, чье незримое присутствие по-прежнему согревает меня вечной любовью,

Колет, моей неизменной опоре.

© Editions Au diable vauvert, Paris, 2014

© И. Стаф, перевод на русский язык, 2016

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016

© ООО “Издательство АСТ”, 2016

Издательство CORPUS ®

1

Кто-то рождается глухим, немым или слепым. Кто-то еще не испустил первый крик, а уже оделен безобразным косоглазием, заячьей губой или уродливым “винным пятном” посреди физиономии. Бывает, что человек появляется на свет с кривой ногой или с безвременно умершей еще в утробе конечностью. А Белан Гормоль вступил в жизнь с одним-единственным увечьем: злосчастной контрепетрией имени и фамилии – Горлан Бемоль; этот скверный каламбур достиг его слуха с первых же шагов на земле и с тех пор сопровождал его всюду.

* * *

Его родители обошлись без календаря именин на 1976 год и выбрали невесть откуда взявшееся “Белан”, ни на миг не задумавшись о катастрофических последствиях своего решения. Несмотря на острые приступы любопытства, он, как ни странно, ни разу не решился их спросить почему. Возможно, боялся их смутить. И наверняка боялся, что банальный ответ его не удовлетворит. Порой он мечтал о том, как бы сложилась его жизнь, носи он имя Лукас, Ксавье или Гуго. Да хотя бы Брелан, он и тому был бы рад. Брелан Гормоль: четыре безобидных слога, за ними можно укрыться телом и душой и спокойно строить

свое “я”. Вместо этого все детство за ним ходила по пятам убийственная акрофоническая перестановка: Горлан Бемоль. Прожив на свете тридцать шесть лет, он научился тушеваться, становиться невидимым, избегать взрыва хохота и насмешек, неминуемо поджидавших его, стоило ему себя обнаружить. Научился быть ни красивым, ни уродливым, ни толстым, ни тощим. Просто смутным силуэтом на границе поля зрения. Сливаться с пейзажем до самоотрицания, оставаться чужим, необитаемым островом. Все эти годы Белана Гормоля попросту не существовало; разве что здесь, на мрачном перроне, который он всю неделю топтал по утрам. Каждый день в один и тот же час он ждал электрички скоростного метро, стоя обеими ногами на белой полосе, которую запрещено переступать, чтобы не свалиться на рельсы. Немудреная черта на бетоне заключала в себе странную умиротворяющую силу. Запах бойни, неотвязно плававший у него в голове, здесь волшебным образом испарялся. Несколько минут, до прибытия поезда, он переминался на ней, словно пытаясь в ней растворить ся, прекрасно понимая, что это лишь иллюзорная отсрочка, что уйти от варварства, ожидавшего его там, за горизонтом, можно лишь одним способом: сойти с черты, на которой он, как дурак, переступал с ноги на ногу, и вернуться домой. Да, надо просто отступиться, улечься обратно в постель, вписаться в еще теплый ночной отпечаток собственного тела. Забыться и заснуть. Но в итоге он покорно стоял на белой черте, слыша, как за спиной сбивается стайка попутчиков, ощущая на затылке легкий ожог их взглядов – напоминание, что он еще жив. С годами остальные пассажиры привыкли относиться к нему с легким снисходительным почтением, как к безобидному чудаку. Белан был дуновением, уносившим их на двадцать минут поездки за пределы монотонных будней.

2

Состав, скрежеща всеми тормозами, остановился у перрона. Белан оторвал себя от белой полосы и взобрался по ступенькам. Узкое откидное сиденье справа от двери поджидало его. Жесткая оранжевая скамеечка нравилась ему больше мягких кресел. Со временем она стала частью ритуала. В самом жесте, каким он опускал сиденье, было что-то символическое и успокаивающее. Когда вагон тронулся, он вынул из своего неизменного кожаного портфеля картонную папку. Аккуратно приоткрыл и вытащил первый листок, переложенный двумя конфетно-розовыми промокашками. Надорванная бумажка без левого верхнего угла подрагивала у него в руке. Страница из книги формата 13 ? 20. Молодой

человек с минуту смотрел на нее, потом положил обратно на промокашку. Постепенно в вагоне воцарилась тишина. Кое-где еще раздавались укоризненные “тсс” в адрес слишком увлекшихся разговором пассажиров. И тогда, как каждое утро, Белан откашлялся и начал читать вслух:

Скованный ужасом, мальчик, онемев, не мог отвести глаз от тельца, свисавшего с крюка на двери амбара. Мужчина поднес руку к трепещущему, полному жизни горлу зверька. Заточенное лезвие бесшумно вошло в белый пух; горячий гейзер, рванувшийся из раны, оставил на запястье алые брызги. Сильные руки отца с закатанными до локтей рукавами скупыми, точными жестами надрезали мех. Потом медленно потянули за шкурку, и она стала сползать, как обычный носок. Тонкое, мускулистое тело кролика, еще окутанное паром ушедшей жизни, предстало во всей наготе. Уродливая костистая голова болталась; выкаченные шары глаз без тени упрека созерцали небытие.

Рассвет нового дня бился в заляпанные окна; текст струился у него изо рта долгой цепочкой слогов, иногда прерывавшейся паузами, в которые пробивался стук колес. Для всех пассажиров вагона он был чтец, тот чудак, что каждый будний день громко и внятно читает несколько страниц, извлеченных из портфеля. Обрывки книг, никак не связанные между собой. Фрагмент кулинарного рецепта соседствовал с 48-й страницей последнего “Гонкура”, а абзац из детектива следовал за отрывком из исторической монографии. Содержание Белана не интересовало. Для него был важен только сам процесс чтения. Он с равным усердием декламировал любые тексты. И всякий раз совершалось чудо. Слова, вылетая из его уст, уносили частичку тошноты, подступавшей к горлу по мере приближения к заводу.

Наконец лезвие ножа открыло врата тайны. Отец сделал длинный надрез, и выпотрошенное брюшко извергло из себя дымящиеся внутренности. Связка кишок прыгнула на пол, словно спеша вырваться на волю из тюремной камеры живота. От кролика осталась маленькая окровавленная тушка, завернутая в кухонное полотенце. Через несколько дней появился новый кролик. Еще один белый пушистый шарик скакал в жарком крольчатнике, и те же кроваво-красные глаза глядели на мальчика из небытия, из-за порога смерти.

Не поднимая головы, Белан бережно вынул второй листок.

Все вокруг инстинктивно попадали ничком, отчаянно желая только одного – схорониться, зарыться поглубже в спасительное лоно земли. Кто-то копал голыми руками, как бешеный пес. Другие, сжавшись в комок, подставляли хрупкие хребты летящим со всех сторон смертоносным осколкам. Повинуясь рефлексу, пришедшему из тьмы веков, люди вжались в себя. Все, кроме Иосифа: Иосиф один стоял посреди хаоса, нелепо обняв ствол оказавшейся рядом большой белой березы. Из порезов на располосованном дереве сочился густой сок, крупными слезами блестевший на коре и медленно сползавший к корням. Дерево обмочилось, и Иосиф тоже, по ногам текла обжигающая струйка. При каждом взрыве береза вздрагивала под его щекой, трепетала в его объятиях.

Поезд подходил к станции; молодой человек вылущил уже дюжину извлеченных из портфеля листков. Чувствуя, как в гортани утихает отголосок последних произнесенных слов, он впервые с того момента, как сел в вагон, обвел взглядом других пассажиров. И как обычно, прочел на лицах разочарование, даже грусть. Это длилось всего миг, пока не зашипели двери. Вагон быстро опустел. Он тоже поднялся с места. Сиденье с сухим щелчком сложилось. Финальный хлопок. Женщина средних лет шепнула ему на ухо “спасибо”. Белан улыбнулся ей. Как объяснить, что он делает это не ради них? Он покорно вышел из теплого поезда, оставив на месте сегодняшние странички. Его грела мысль, что они тут, уютно устроились между сиденьем и спинкой, вдали от разрушительного грохота, который больше их не настигнет. Снаружи дождь поливал с удвоенной силой. На подходе к заводу в его ушах, как всегда, зазвучал хриплый голос старого Джузеппе: “Это не для тебя, малыш. Ты пока не понимаешь, но это не для тебя!” Старик знал, что говорил; сам он черпал мужество, чтобы продолжать, в дешевом красном вине. Белан не послушался, наивно полагая, что все дело привычки. Что привычка заволочет его жизнь, как осенний туман, обезболит мысли. Но прошло уже много лет, а при виде высоченного, грязного, облезлого забора к горлу всякий раз подступала тошнота. За забором, скрытая от чужих глаз, таилась Тварь. Тварь ждала его.

3

Он толкнул калитку, ведущую на территорию завода, и та отозвалась противным писком. Скрип оторвал сторожа от чтения. Замусоленное переиздание “Британника” Расина 1936 года в его руках походило на раненую птицу. Белан порой спрашивал себя, случается ли Ивону Гримберу хоть иногда выходить из своей будки. Добряк с поистине царственным пофигизмом принимал неудобства открытой всем ветрам каморки размером три на два метра, лишь бы огромный пластмассовый ящик, где он хранил книжки, был всегда при нем. В свои 59 лет он сохранил в жизни только одну настоящую любовь – к театру эпохи классицизма, и в перерыве между подвозами нередко перевоплощался в Дона Дьего или, облачившись в воображаемую тогу Пирра и гоняя своими большими руками воздух в тесной клетушке, выпадал на время пламенной тирады из той бесславной роли, за которую получал сущие гроши и которая состояла в том, чтобы поднимать и опускать красно-белый шлагбаум, перекрывающий въезд на завод. Всегда подтянутый, с иголочки одетый, он с особым тщанием ухаживал за усами, тонкой чертой обрамлявшими его верхнюю губу, и не упускал случая процитировать великого Сирано: “Уж если дворянин начнет крутить усы, его не оторвать от этого занятья!”.[1 - Эдмон Ростан. Сирано де Бержерак. Действие I, сцена 1. Перевод Вл. Соловьева. (Здесь и далее – прим. перев.)] Открыв для себя александрийский стих, Ивон Гримбер немедленно в него влюбился. Ревностное и верное служение двенадцати слогам сделалось его единственной миссией на земле. Белан любил Ивона за чудачество. И еще, быть может, за то, что тот был одним из немногих, кто не поддался искушению величать его Горланом Бемолем.

– Привет, Ивон.

– Привет, малыш. – Он, как и Джузеппе, всегда обозначал его этим существительным, и никак иначе. – Толстяк и мудак уже на месте.

Ивон неизменно презентовал их в таком порядке: сперва толстяк, потом мудак. Когда сторож изъяснялся не александрийским стихом, он ограничивался короткими фразами, но не потому, что жалел слов; просто он предпочитал сохранять свой голос для единственно стоящей, по его мнению, вещи – двенадцатисложника. Белан направился к гигантскому железному ангару, и Ивон напутствовал его в спину двустишием собственного сочинения:

Внезапный ливень пал гремучим водопадом,

По крыше застучал студеным злобным градом.

Тварь поджидала там, в самом сердце завода, массивная, угрожающая. За полтора десятка лет, что Белан здесь работал, он ни разу не произнес ее настоящего имени, как будто, назвав, он признал бы ее, молчаливо согласился с ее существованием, а об этом не могло быть и речи. Никогда ее не называть – то был последний бастион, который он еще удерживал, чтобы окончательно не продать ей душу. Пусть Тварь довольствуется его телом, и только телом. Имя, выгравированное на стальном теле мастодонта, дышало неминуемой смертью – Zerstor-500, от глагола zerst?ren, означающего “уничтожать” на прекрасном языке Гете. Zerstor F?nf Hundert, без малого одиннадцатитонное чудище, вышедшее в 1986 году из цехов Krafft GmbH, на юге Рура. Впервые увидев ее, Белан нисколько не удивился серо-зеленому металлическому корпусу. Вполне логично, что у машины, единственная функция которой – уничтожать, военная расцветка. С виду она походила на покрасочную камеру, или большой генератор, или даже (верх абсурда) на огромный типографский ротатор. Казалось, Тварь ни на что не претендует, разве только на уродство. Но то была лишь верхушка айсберга. В центре серого бетонного пола зияла огромная, три на четыре метра, прямоугольная пасть, врата в тайну. В темных недрах огромного резервуара из нержавеющей стали скрывался страшный механизм, устройство, без которого завод превращался в бесполезный склад. В техническом плане “Церстор-500” была обязана своим ученым именем пятистам молоткам размером с мужской кулак, размещенным в шахматном порядке на двух горизонтальных цилиндрах во всю ширину ямы. К ним добавлялись шесть сотен стальных лезвий, насаженных на три вала и вращающихся со скоростью 800 оборотов в минуту. Вокруг этого ада располагался почетный караул из двух десятков форсунок, бесперебойно подававших струи воды 120-градусной температуры под давлением в 300 бар. Дальше в стальном кожухе покоились четыре могучих лопасти месильной машины. И наконец, жизнь всему агрегату давал засаженный в железную тюрьму чудовищный дизельный мотор мощностью около тысячи лошадиных сил. Тварь была рождена кромсать, плющить, драть, растирать, расчленять, мять, молоть, дробить, полосовать, месить, ошпаривать. Но лучшим ее определением, какое Белану доводилось слышать, были слова Джузеппе. Когда поглощенного за день скверного вина не хватало, чтобы приглушить накопившуюся с годами утробную ненависть к “Церстор-500”, старик любил орать: она геноцидит!

Атмосфера пустой бальной залы, царившая в этот час на заводе, леденила кровь. От всего, что происходило здесь накануне, не было и следа. И ничто, совсем ничто не предвещало шума и ярости, которые в ближайшие минуты обрушатся на эти стены. Не оставлять улик. Одна из навязчивых идей Феликса Ковальски. Каждый вечер шеф заставлял отмывать место преступления. Преступление, совершавшееся бесконечно, круглый год, кроме выходных и праздничных дней, должно было быть идеальным.

Белан шаркающей походкой пересек ангар. Брюннер ждал его. Молодой парень в неизменно безупречной спецовке, скрестив руки на груди, небрежно прислонился к пульту управления Твари. И как всегда, при виде Белана на его губах обозначилась странная, едва заметная улыбка. Ни слова, ни приветственного жеста, нет, только эта наглая улыбочка, посланная с высоты своих двадцати пяти лет и метра восьмидесяти пяти. Брюннер в основном занимался тем, что изрекал истины в последней инстанции: все чинуши – бездельники и леваки, бабы годны только на то, чтобы обслуживать мужиков, то есть днем возиться на кухне, а ночью давать себя обрюхатить, чурки (это слово он не произносил, а сплевывал через губу) только и делают, что жрут хлеб французов. Ну и до кучи – денежные мешки, социальщики на пособии, продажные политиканы, горе-водилы, нарики, педерасты, нарики-педерасты, инвалиды и проститутки. Этот молодчик судил обо всем, причем весьма категорично, так что Белан уже давно не пытался с ним спорить. В свое время он перепробовал все риторические приемы, стараясь ему объяснить, что все не так просто, что между белым и черным есть целая гамма оттенков, от светло-серого до свинцового, – тщетно. В конце концов Белан пришел к выводу, что Брюннер – безнадежный тупица. Безнадежный и опасный. Люсьен Брюннер в совершенстве владел искусством плевать на вас с высокой башни и одновременно перед вами пресмыкаться. В его снисходительном “месье Гормоль” сквозило глухое презрение. Брюннер был злобная змея, кобра, готовая ужалить, стоит лишь чуть-чуть оступиться, и Белан всегда старался держаться от него на расстоянии, подальше от ядовитых клыков. В довершение всего этот скот обожал свое палаческое ремесло.

– Эй, месье Гормоль, дадите мне сегодня ее включить?

В глубине души Белан возликовал. Нет, месье Гормоль не даст ему сегодня ее включить. И завтра не даст, и послезавтра! Месье Гормоль не доставит ему ни с чем не сравнимого удовольствия врубить этот чертов промышленный перерабатывающий объект!

– Нет, Брюннер. Вы прекрасно знаете, что это невозможно, пока вы не прошли аттестацию и не оформили допуск.

Белан обожал эту фразу и произносил ее сочувственным тоном, хоть и ждал с тоской дня, когда этот дебил сунет ему под нос вожделенный допуск. День этот недалек, и тогда придется ему уступить. Недели не проходило, чтобы Брюннер не приставал к Ковальски, не просил толстяка поддержать его заявление в дирекцию. При каждом удобном случае этот подхалим ходил за ним по пятам, осыпал его угодливыми “месье Ковальски” и “шеф”, не упускал ни единой возможности просунуть свою хищную лисью морду к нему в кабинет и полизать ему сапоги. Скворец на спине буйвола. А тому страшно нравилось. Льстил его эго весь этот цирк. А покуда Белан, прикрываясь техникой безопасности, читал Брюннеру мораль. И всякий раз у него мелькало ощущение, что он дразнит палкой кобру. Не прошел подготовку – не трогай установку!

* * *

– Гормоль, мать вашу, какого не включаете, ждете, когда дождь пройдет? – Ковальски заметил его с высоты своей башни из слоновой кости и специально выскочил из кабинета, чтобы визгливо облаять.

Его застекленное логово находилось под крышей завода, на десятиметровой высоте. Ковальски сверху было видно все, он сидел там, словно божок, озирающий свои владения. Малейшая тревога, ничтожная ошибка – и он уже стоит на мостках, изрыгает приказы или извергает попреки. А если, как сейчас, решает, что этого мало, то заявляется вниз, скатившись по трем десяткам металлических ступенек, возмущенно визжащих под центнером его жира.

– Дьявол, Гормоль, пошевеливайтесь! На улице три полуприцепа ждут!

Феликс Ковальски не разговаривал. Он гавкал, вопил, ревел, поносил, рычал; говорить нормально он не умел вообще. Это было выше его сил. Каждый день у него начинался со шквального лая на первого, кто окажется в пределах досягаемости его голоса, как будто скопившаяся в нем за ночь злость непременно должна была излиться через рот, а не то он захлебнется. Обычно этим первым становился Белан. Брюннер был мудак, но не слепой и не глухой; он быстро раскусил повадки шефа и чаще всего прятался за пультом управления. А Белану – Белану от воплей толстяка было ни жарко ни холодно.

Они редко продолжались дольше минуты. Надо просто уйти в свой панцирь, как черепаха, и переждать цунами. Втянуть голову в плечи, пока Ковальски не прекратит портить воздух словоизвержениями вперемешку с облаками кислого пота. О! порой ему страшно хотелось заартачиться, возмутиться несправедливостью. Указать злобному жирдяю, что длинной стрелке настенных часов над дверью раздевалки, единственно точных в глазах Ковальски, еще десять минут ползти до вертикального положения, а значит, он ничем не заслужил этих необоснованных обвинений, ведь в его трудовом договоре значится, что рабочий день начинается ровно в семь, а не в 6.50! Но он предпочитал молчать. Это было наилучшим решением: заткнуться и направить стопы в раздевалку, не дожидаясь, пока шеф прекратит свой словесный понос, извергавшийся изо рта и бравшийся невесть откуда.

Белан открыл свой металлический шкафчик. Белые буквы наклейки на внутренней стороне замка, казалось, светились в темноте. STERN. Пять букв аббревиатуры Компании по природной переработке и утилизации отходов. Брюннер, говоря о ней, всегда добавлял слово Company. STERN Company. Считал, что так круто. На логотипе был изображен силуэт красивой арктической крачки, sterna, – птички, которая большую часть жизни гоняется за летом, а потому летает без отдыха в поисках солнца чуть ли не по восемь месяцев в году. Брюннер разбирался в орнитологии примерно так же, как в теологии, и видел в этом птичьем силуэте обычную ласточку. На эту тему Белану тем более не хотелось с ним спорить. Он упаковал свои пятьдесят восемь кило в спецовку и тяжело вздохнул. Тварь ждала корма.

5

Белан с отвращением поднял кожух пульта управления. Как всегда, у него возникло необъяснимое, но неприятное ощущение, что толь подрагивает в его руках, как будто Тварь, живая, в нетерпении бьет копытом, торопясь начать новый день. В такие моменты он старался действовать на автопилоте. Слиться со своей ролью оператора станка с ЧПУ, за которую ему милостиво выдавали тысячу девятьсот сорок евро в месяц, включая надбавку за питание. Громко зачитывать каждую строчку перечня контрольных операций, глядя, как Брюннер вертится от одной части агрегата к другой, проверяя датчики. Прежде чем отвинтить люк, закрывавший дно резервуара, Белан напоследок заглянул в отверстую пасть – проверить, не посетила ли какую животину шальная мысль

поиграть в неустрашимых. Крысы превратились в настоящую проблему. Запах сводил их с ума. Чан притягивал их, как пахучие листья плотоядного растения притягивают мух. И нередко оказывалось, что какой-нибудь особо выдающийся сластена затаился на дне дыры. Обнаружив лакомку, Белан шел за сачком, стоявшим в раздевалке, и вытаскивал живность из ловушки, в которую она угодила. Крысы, не заставляя себя упрашивать, вмиг улепетывали вглубь завода и скрывались из виду. Не то чтобы Белан особо любил грызунов; им двигало главным образом желание лишить Тварь куска мяса. Мясо она обожала, в этом он не сомневался; обожала эти маленькие вопящие, дрыгающиеся тельца, попавшие ей на зуб, и перемалывала их, как обыкновенную легкую закуску. А еще он был уверен, что при первом же удобном случае она без лишних уговоров сожрет его руки по самые запястья. После того, что случилось с Джузеппе, Белан отлично сознавал, что Твари не всегда хватает крысиного мяса.

* * *

Запустив насос и переведя рубильники в положение “вкл.”, он вдавил большим пальцем зеленую кнопку, на которую мечтал в один прекрасный день нажать Брюннер. Белан сосчитал до пяти, потом отпустил палец. Считать надо было до пяти, ни больше ни меньше. Если меньше, Тварь не запустится, если дольше – будет потоп. Ад нужно заслужить. Ковальски со своего капитанского мостика следил за каждым его движением. Секунд десять кнопка мигала, потом засверкала всеми огнями. Сперва ничего не произошло. Только чуть дрогнул пол: Тварь первым делом негодующе икнула. Разбудить ее всегда было нелегко. Она рыгала, плевалась и, казалось, не желала включаться, но, впустив в себя первый глоток топлива, начинала трястись. Сначала от пола поднялся глухой гул, за ним сразу последовала первая вибрация, ударила в ноги Белану и пронизала все его тело. Вскоре весь ангар от пола до потолка содрогался в ритме толчков мощного дизельного мотора. Противошумный шлем, закрывающий уши, с трудом фильтровал нарастающий адский грохот. Ниже, в брюхе Твари, раздался апокалипсический железный лязг запустившихся молотков. За ними бешено завращались ножи, сверкая в темной глубине всеми своими лезвиями. С пронзительным свистом вырвались из патрубков струи воды, и поднявшийся из дыры столб пара уперся в самую крышу завода. Из ямы пахнуло мокрой бумагой. Тварь хотела есть.

* * *

Белан махнул рукой первому грузовику, приглашая подставить зад к разгрузочной платформе. Тридцативосьмитонка забила копытами всех своих лошадиных сил, сдвинулась с места и наклонила кузов. Книжный ливень, поднимая облака серой пыли, каскадом обрушился на бетонную площадку. Брюннер, восседавший за рычагами бульдозера и сгоравший от нетерпения, немедленно принялся за дело. Его глаза за грязным лобовым стеклом машины сверкали от возбуждения. Громадное лезвие сгребло гору книжек и сбросило их в небытие. Сталь сливного желоба скрылась под книжным потоком. Первые глотки всегда давались трудно. У людоедки “Церстор” были свои причуды. Ей случалось пасть жертвой собственной прожорливости и подавиться. Тогда ее, с набитым ртом, тупо заклинивало прямо посреди пережевывания. Почти час уходил на то, чтобы очистить чан, освободить цилиндры от излишка книг, застрявших под молотками, отдраить каждое колесико, а потом заново запустить насос. Целый час Белан корячился в вонючих внутренностях машины, обливаясь потом с головы до ног и выслушивая брань Ковальски, который в такие минуты бесился как никогда. В то утро Тварь встала с правильной ноги. Схапала и заглотнула первую порцию книжек, не поперхнувшись. Молотки, возликовав, что можно вгрызаться не в пустоту, радостно взялись за дело. Самые благородные корешки, самые прочные переплеты были размолоты за несколько секунд. Тысячи книжек сгинули в желудке Твари. Раскаленный ливень, исторгаемый форсунками с обеих сторон дыры, сбивал в глубь чана отдельные листочки, пытавшиеся ускользнуть. Дальше настал черед шести сотен ножей. Их заточенные лезвия превратили остатки бумажных страниц в тоненькие полоски. Четыре огромных лопасти-мешалки завершили работу, превратив все в густое месиво. От книг, несколькими минутами ранее лежавших на полу ангара, не осталось и следа. Одна лишь серая корпия, которую Тварь извергала из задницы, как жирные дымящиеся экскременты, с мерзким влажным звуком плюхавшиеся в чаны. Из этой грубой бумажной массы в ближайшие дни изготовят новые книги, и какое-то их количество непременно закончит свой путь здесь, в челюстях “Церстор-500”. Это нелепое чудище с отвратительной жадностью пожирало собственное дерьмо. Глядя на густую грязную жижу, которой беспрерывно испражнялась машина, Белан нередко вспоминал фразу старого Джузеппе, выданную с высоты его обычных трех промилле всего за пару дней до трагедии: “Помни, малыш, всегда помни: мы для книгоиздания – то же, что дырка в заднице для пищеварения, и ничего другого!”

Вот уже и второй грузовик опорожнил кузов. Тварь испустила из разверстой пасти целый залп кислой отрыжки, кусая воздух всеми молотками. Несколько промокших, разодранных листков, последние обглодки предыдущей трапезы, свисали между валами, как обыкновенные клочья кожи. Брюннер, высунув

кончик языка, бешено рванул рычаги и устремился в атаку на новую гору книг.

6

Будка сторожа была островом, к которому Белан любил причаливать в обеденный перерыв. В отличие от Брюннера, выступавшего по всякому поводу и без повода, Ивон мог подолгу сидеть, не произнося ни слова, с головой уйдя в чтение. Его молчание было насыщенным. Белан мог погрузиться в него, как в теплую ванну. Рядом с Ивоном сэндвич чуть меньше отдавал пареным картоном, привкус которого примешивался к любой еде с тех пор, как он здесь работал. Порой Ивон просил его подавать реплики.

– Стенка, – объяснил он ему в первый раз, – мне просто нужна стенка, об которую бы стукались мои монологи.

Белан охотно включался в игру, как мог, зачитывал тексты, в которых почти ничего не понимал, порой на время менял пол, изображал то Андромаху, то Беренику, а то и Ифигению, пока Ивон Гримбер возносился к вершинам искусства, зычно декламируя роли Пирра, Тита и прочих Агамемнонов из своего набора. Сторож не обедал, он питался одними двенадцатисложными виршами, весь день поглощая стихи и запивая их целыми термосами своего любимого крепчайшего чая.

* * *

Грузовик пришвартовался у самого шлагбаума с тяжелым вздохом усталого кита. Ивон на миг оторвался от Дона Родриго и Химены, убедился, что законное время подвоза истекло, и вновь углубился в действие III, явление I V. Нормативными актами предусматривалось, что в целях отдыха окрестных жителей STERN обязана прекращать любую деятельность в период с 12.00 до 13.30; правило распространялось и на движение грузовиков, поставлявших Твари пищу. Все шоферы об этом знали, и опоздавшие обычно попросту парковали свою тачку на улице и ждали, когда завод заработает снова. Лишь отдельные смельчаки, вроде сегодняшнего, порой пытались обойти запрет и прорваться силой. Водитель, твердо убежденный во всемогуществе своих

тридцати восьми тонн, надавил на клаксон и нетерпеливо гавкнул из-за опущенного бокового стекла:

– Я тут до завтра стоять буду?

Сторож оставался безучастным. Парень вылез из кабины и раздраженно устремился к будке.

– Эй, ты там оглох?

Ивон, не поднимая глаз от книги, выставил вперед ладонь в знак того, что ему сейчас недосуг слушать пренебрежительное тыканье шофера-доставщика на грани нервного срыва. Белан знал, что Ивон неукоснительно следует принципу: никогда, ни под каким предлогом не бросать фразу недочитанной.

– Не прерывать нить Слова, малыш! Идти до конца, скользить по реплике, пока точка не освободит тебя!

Шофер нервно забарабанил в стекло и заорал еще презрительнее:

– Он когда-нибудь свою палку поднять соберется?

* * *

Новенький, подумал Белан. Только новичок может себе позволить разговаривать в таком тоне с Ивоном Гримбером! Аккуратно заложив закладкой издание “Сида” 1953 года, Ивон кивнул Белану на ящичек, стоявший на полке, которая по периметру огибала будку. Там бережно хранились его собственные многолетние стихотворные опыты. Сторож водрузил ящик на колени и под бешеным взглядом шофера внимательно изучил имеющийся в его распоряжении репертуар. Подрагивая усами от удовольствия, Ивон вытащил карточку № 24, озаглавленную “Опоздание и наказание”. Ловко поправил галстук, пробежал глазами текст – входил в роль. Пригладил ладонью посеребренные сединой волосы, кашлянул, прочищая горло. И вот Ивон Гримбер, выпускник курса Альфонса Добена в Сен-Мишель-сюр-Лоньон 1970 года, обладатель абонемента в Комеди-Франсез с 1976-го, выпустил первый залп:

Уж полдень миновал, и стрелка часовая

Давно спустилась вниз, по кругу поспешая!

Оставьте дерзкий тон и грубую игру.

Тогда, быть может, вам врата я отопру.

С ошалелой физиономии шофера улетучились всякие следы гнева. Его подбородок с едва пробивающейся бородкой отваливался все ниже по мере того, как Ивон звучно чеканил строки. Белан улыбнулся. Новичок, конечно. По первости с ними так часто бывает. Александрийский стих застает их врасплох. От рифм, низвергающихся на голову, дыхание перехватывает не хуже, чем от ударов под дых.

– Александрийский стих, он прямой, как шпага, – объяснил ему однажды Ивон. – Бьет без промаха прямо в цель, надо только уметь его подать. Не бормотать его как заурядную прозу. Декламировать его нужно стоя. Удлинив воздушный столб, чтобы слово шло ударной волной. Перебирать стопы пламенно и страстно, читать, как любить женщину, с силой роняя полустишия, подчиняясь ритму цезуры. Александрийский стих умеет сделать вас актером. И никаких импровизаций! Двенадцатисложник не обманешь, малыш.

Ивон в свои 59 лет достиг истинного мастерства. Распрямившись во весь свой без малого двухметровый рост, он вышел из будки:

Водителей не раз преследовал мой гнев.

Являйтесь вовремя – предстанет кротким лев.

Отриньте вашу брань и ваш сердитый вид,

Проступок ваш тотчас мной будет позабыт.

Доставьте же ваш груз, но впредь остерегайтесь

Порядок преступать; часами не гнушайтесь.

Терпение мое в пословицу вошло,

Но свято я блюду закон и ремесло!

Ни чести, ни правам не потерплю урона.

В обличье благостном скрывается Горгона.

Пускай служитель я, но здесь я господин,

Судеб водительских всесильный властелин!

Шофер запаниковал. Перед ним внезапно явился не Ивон Гримбер, ничтожный заводской сторож, но всемогущий храмовый жрец. Алые губы под сивыми усами бестрепетно извергали смертоносные фразы. Парень предусмотрительно дал задний ход и на цыпочках остроносых “казаков” стал отступать к кабине своего “вольво”, ища укрытия от стихотворного ливня. Ивон последовал за ним. И покуда юноша на грани истерики изо всех сил вертел ручку, поднимая стекло, он высился на подножке и швырял в кабину охапки стихов.

Как смело и хитро – под натиском укора

В машину убежать от своего позора!

Но вам не скрыть конфуз и не унять волненья;

Чтоб смолкла песнь муз, просите извиненья!

Вконец затравленный парень, уткнувшись в руль в знак покорности, пробурчал нечто непережеванное, но похожее на сожаления. Когда он окончательно закрылся в своем стеклянном убежище, Ивон огласил воздух последним четверостишием:

Сей миг иду открыть незыблемый запор.

Стихает гнев, когда кончается раздор.

Итак, свободен путь! Спешите под разгрузку,

Везите молоху обильную закуску.

Сопровождая слова жестом, Ивон поднял шлагбаум, и грузовик зафыркал в облаке выхлопных газов. Белан отлучился из будки друга-стихотворца, чтобы проследить за разгрузкой. Шофер, еще не оправившийся от шока, вывалил половину груза на платформу, а половину на парковку. Парень отметил путевку и уехал, радуясь уже тому, что проезд открыт и ему не надо выдерживать новый

натиск Ивона Гримбера: тот вновь удалился в Кастильское королевство, дабы вместе с Хименой ожидать нападения сарацин.

7

Настал самый страшный для Белана момент: время уборки. Проваливаться целиком в утробу Твари, чтобы вычистить ей внутренности, всегда было нелегко. Каждый вечер он пересиливал себя, спускаясь в яму, но только такой ценой можно было безнаказанно совершать свое должностное преступление. С тех пор как Ковальски развесил камеры наблюдения по всем углам цеха, Белан уже не мог извлекать добычу с прежней легкостью. После несчастного случая с Джузеппе шеф наконец оснастил завод шестью сверхсовременными цифровыми камерами – недреманными очами, круглые сутки следившими за всеми их деяниями и поступками. Чтобы подобная трагедия не повторилась больше никогда, утверждал толстяк скорбным голосом. Скорбь была напускная, Белан на нее не купился. Жирная скотина Феликс Ковальски сроду не проявил ни грана сочувствия к старику Карминетти: он считал его бесполезной проспиртованной обузой. Просто трагедия с Джузеппе дала ему нежданный шанс воплотить свою давнишнюю мечту: надзирать за подвластным ему мирком, не поднимая задницы с кожаного кресла, в котором он покоил свои телеса с утра до вечера. Плевал Белан на Ковальски с его камерами наблюдения.

* * *

Отключив “Церстор”, он пробрался на дно резервуара. В такие минуты перед его взором часто всплывал образ перепуганной крысы, тщетно царапающей сталь когтистыми лапами. Он знал, что Тварь не в силах ему навредить, что пульт управления обесточен, что подача топлива прекращена. И все равно Белан держался настороже, прислушивался к самомалейшей вибрации, готовый вырываться из ее когтей, если ей вдруг не вовремя приспичит заморить червячка. Он отвинтил вал с цилиндрами и протиснулся между двумя рядами молотков. Чтобы долезть до внутренних подшипников, надо было карабкаться враскоряку еще метра два. Он крикнул Брюннеру, чтобы тот передал ему шприц со смазкой через боковой люк. В этой долговязой жерди было метр восемьдесят пять росту, и до механизма он добраться не мог. Как же бесился Брюннер, что ему нельзя взойти на борт корабля и приходится оставаться на причале,

довольствуясь всякой ерундой – подать гаечный ключ 32 мм, масленку или водяной шланг. Белан зажег налобный фонарь. Здесь, в еще теплом стальном брюхе, лежал дневной урожай. Десяток листочков ждали его, всегда в одном и том же месте, единственном, куда не достигали струи из форсунок, – между стальным днищем и креплением последнего вала, утыканного лезвиями. Вырванные странички, прибитые к стенке потоками воды, застрявшие на металлической опоре, на середине рокового пути. Джузеппе называл их живыми шкурками. “Они – все, что остается после бойни, малыш”, говорил он с дрожью в голосе. Недолго думая, Белан расстегнул молнию на спецовке и засунул десяток промокших страниц под майку. Смазав все подшипники и промыв струей воды брюхо Твари, он выбрался из тюрьмы; сегодняшние избранники покоились в тепле у него на груди. Папаша Ковальски опять оторвал свою тушу от кресла и доволок ее до края вышки. Мысль, что подчиненный на несколько минут выпал из поля зрения его соглядатаев, была для него нестерпима. Сколько бы ни мигали камеры всеми своими красными глазами, ему все равно не узнать, чем занимался Гормоль в брюхе машины. Ангельская улыбка, которую каждый вечер посылал ему Белан, направляясь в душ, его отнюдь не успокаивала.

* * *

Минут десять Белан стоял под обжигающей струей. Ему осточертела грязь, в которой он целыми днями ковырялся. Надо было любой ценой избавиться от этой дряни, смыть с себя преступление, не выносить его из этих желтоватых стен. Он выходил из калитки на улицу с таким ощущением, словно вырвался из ада. Пока поезд вез его к домашнему очагу, он извлек живые шкурки на свет и осторожно разложил их на промокашках: пусть вберут в себя всю сырость, пропитавшую их волокна. А назавтра, в том же вагоне, он избавит живые шкурки от слов, и они наконец умрут.

8

На обратном пути Белан не читал. Не было ни сил, ни желания. На оранжевое сиденье он тоже не садился. Уложив живые шкурки в бювар и убрав его в портфель, он закрыва л глаза и, пока вагон баюкал его усталое тело, позволял жизни постепенно возвращаться к нему. Двадцать минут покоя: с одной стороны, проступающая жизнь, с другой – щебень под вагоном, уносящийся

вдаль и высасывающий из него всю мерзость рабочего дня.

Выйдя из здания вокзала, Белан прошел около километра по проспекту и углубился в лабиринт пешеходных улочек в центре города. Жил он в обшарпанном доме № 48 по аллее Шармий, на четвертом и последнем этаже. В ютившейся под крышей однокомнатной квартире царил спартанский комфорт. Допотопная кухонька, лилипутская ванная, видавший виды линолеум. Если, как сегодня, шел дождь и на подмогу ему приходил ветер, в мансардное окно сочилась вода. Летом черепица всей своей глиной впитывала солнце, превращая тридцать шесть квадратных метров в духовку. И тем не менее каждый вечер Белан возвращался домой с облегчением: здесь никаким Ковальски и Брюннерам его не достать. Не успев даже снять куртку, он бросил щепотку сухого корма Руже де Лилю[2 - Клод Роже Руже ле Лиль (1760–1836) – французский поэт и композитор, автор “Марсельезы” (1792).] – золотой рыбке, своей спутнице жизни, чей аквариум высился на столике у кровати.

– Прости, припозднился слегка, но сегодня поезд 18.48 честнее было бы поставить на 19.02. Вымок до нитки. Не понимаешь ты своего счастья, старина. Дорого бы я дал, знаешь ли, чтобы оказаться на твоем месте.

* * *

Он все чаще ловил себя на том, что разговаривает с рыбкой. Белану нравилось думать, что карасик, зависнув в центре стеклянного шара, открыл все слуховые отверстия и слушает его рассказ о том, как прошел день. Когда твой собеседник – золотая рыбка, от него не ждешь ничего, кроме молчаливого, пассивного внимания; правда, порой ему казалось, что в цепочке пузырьков из рыбьего рта проглядывает попытка ответа. Руже де Лиль приветствовал его кругом почета и проглотил плававшие на поверхности крошки корма. Телефон мигал всеми индикаторами. Он нажал на автоответчик, и в динамике, как он и ожидал, загремел голос Джузеппе: “Малыш!” Восторг, с каким старик произнес это слово, немедленно высушил весь стыд, затоплявший Белана, когда ему, как сейчас, приходилось обманывать верного друга. После долгой паузы, во время которой слышно было только полуобморочное дыхание Джузеппе, дрожащий от волнения голос зазвучал снова: “Только что звонил Альбер, еще одна! Перезвони, как вернешься”.

Приказ есть приказ, не отвертишься. Джузеппе снял трубку раньше, чем отзвучал первый гудок. Белан улыбнулся. Старик ждал его звонка. Он представил себе, как тот сидит, завернувшись в свой вечный светло-зеленый плед, поставив телефон на то, что осталось от ног, и сжимая в руке трубку.

– Значит, сколько выходит, Джузеппе?

– Sette cento cinquantanove![3 - Семьсот пятьдесят девять (итал.).]

Его родной язык всплывал на поверхность только в минуты сильного гнева или, как сейчас, огромной радости. Семьсот пятьдесят девять – это до какого же места? – задумался Белан. Повыше щиколотки, до середины икры?

– Нет, я имел в виду, сколько времени прошло с прошлого раза, – солгал он, как будто не помнил обведенную красным кружком дату на настенном календаре, висящем справа от холодильника.

– Три месяца и семнадцать дней. Тогда был ноябрь, двадцать второе число. А эту раскопал один его знакомый, он работает в сборе утиля, в Ливри-Гаргане. Валялась в вагонетке прямо сверху, на куче старых бумаг. Ему цвет обложки в глаза бросился. Сказал, я правильно сделал, что сфотографировал один экземпляр, чтобы раздать фото его парням. Вот он ее и узнал – по цвету. Ни с чем, говорит, не спутаешь. Точь-в-точь как у старых требников, он когда-то пел в церковном хоре. Блин, ты представляешь? К тому же, говорит, в отличном состоянии, только на задней стороне обложки жирное пятно, в правом верхнем углу.

* * *

Белан в очередной раз порадовался, что, задумав свое мошенническое предприятие, взял в сообщники букиниста, – хоть и опасался, что Большой Альбер с набережной Турнель, знаменитое трепло, однажды проболтается и старик заподозрит неладное. Не забыть поставить жирное пятно на задней стороне обложки, сделал себе мысленную пометку Белан.

– Завтра, Джузеппе, завтра я за ней съезжу, обещаю. Сейчас совсем вымотался, да и поздновато, на последний поезд не успею. А завтра суббота, я свободен как

ветер.

– Ладно, малыш, давай завтра. Во всяком случае, Альбер ее хранит как зеницу ока, никому не отдаст. Он тебя ждет.

* * *

Белан нехотя пожевал риса. Врать, и снова врать, и опять врать. Засыпая, он смотрел, как Руже де Лиль завершает процесс пищеварения. По телевизору журналист рассказывал про революцию в далекой стране и про народ, который все умирал и никак не мог умереть окончательно.

9

Преступная халатность – к такому выводу за неполные три недели пришло расследование, проведенное STERN после несчастного случая. Ни больше ни меньше, лишь это лаконичное и категоричное заключение. Белан не раз перечитывал эту фразу вдоль и поперек и выучил ее наизусть:

Прискорбный инцидент, жертвой которого стал г-н Карминетти, занимавший на протяжении 28 лет должность оператора станка с ЧПУ в Компании по природной переработке и утилизации отходов, стал следствием преступной халатности данного оператора; кроме того, в его крови было выявлено содержание алкоголя на уровне более 2 промилле.

Да, Белан не сомневался: именно алкоголь подвел Джузеппе. Адвокаты и эксперты, на которых наседала STERN, просто обернули этот факт против него, не пытаясь разобраться в истинных причинах случившейся мерзости. Эти стервятники едва не вычли у него стоимость разодранной в клочья спецовки и сорока пяти минут простоя машины. Всего каких-то сорок пять минут, ни минутой больше – ровно столько понадобилось пожарным, чтобы извлечь оравшего от боли и бешено махавшего руками Джузеппе из ямы, с кучи книг, пивших его кровь; весь его рассудок засосало в два бездонных колодца боли,

образовавшихся на месте ног. Он заменил одну из боковых форсунок и уже собирался вылезать из резервуара, когда Тварь откусила ему нижние конечности до середины ляжки. И не успели закрыться дверцы “скорой помощи”, как Ковальски собственноручно запустил механизм, пока Белан, вцепившись обеими руками в унитаз, выворачивался наизнанку в туалете. Говнюк врубил машину, когда последние крики Джузеппе еще звучали в цеху. Белан так и не смог простить толстяку этого поступка. Врубил с одной-единственной целью – любой ценой завершить начатое, перемолоть в бумажную массу содержимое тридцативосьмитонного кузова. И это содержимое смешалось в брюхе Твари с бесформенной кашей, в которую превратились ноги оператора Карминетти. The show must go on, и мир его ногам!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/zhan-pol-dideloran/utrenniy-chtec/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Эдмон Ростан. Сирано де Бержерак. Действие I, сцена 1. Перевод Вл. Соловьева. (Здесь и далее – прим. перев.)

2

Клод Роже Руже ле Лиль (1760–1836) – французский поэт и композитор, автор “Марсельезы” (1792).

3

Семьсот пятьдесят девять (итал.).

Купить: https://tellnovel.com/zhan-pol-dideloran/utrenniy-chtec-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити